

Афанасьев И.Н.

ПЕРЕМЕНА СЛАГАЕМЫХ*

Василий Розанов в перспективе европейских рисков

Юбилей – великий искушитель. Он бывает не по чину навязчив в стремлении канонизировать случай, объявить его Божьим Промыслом, подарком судьбы или напротив – проклятием мира. А между тем, чего уж проще: «...событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться» (Л.Н.Толстой, «Война и мир»)¹. В 1856 году в России случился Василий Васильевич Розанов. А нынче XXI век, отсчитавший юбилейные 150 лет от первого крика новорожденной знаменитости, вглядывается в розановский исход века девятнадцатого, чтобы по-настоящему увязнуть в кровавой мешанине двадцатого, обозначая многие поворотные его происшествия именем Розанова: современника, очевидца, прорицателя. Пожалуй, уже безо всякой оглядки на Толстого, для которого «так называемые великие люди» в исторических событиях «суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием»². Но и в глухоте к виновнику торжества, в статье о Льве Толстом заявившему: «Всякая *история* непостижима: причина бесконечной *свободы* в ней, - и плакать и смеяться. И как основательно одно, основательно другое... История не только бесконечна, но и неуловима»³.

Беспомощность, ничтожность былых исторических концепций в XX веке приняли узнаваемую форму верещагинского «Апофеоза», подвигнув последних обитателей уходящего тысячелетия искать путей к тому, чтобы от участия в истории отказаться, подобно пастернаковскому Юрию Живаго в изящной интерпретации Георгия Гачева, либо жертвенно примириться с ней, разделяя помыслы героев «Мирской чаши» и «Осударевой дороги» М.М.Пришвина, а то и вовсе заново историю хронометрировать, упокоившись разумом и душой в ряду неофитов «Новой хронологии». Однако и в первом, и во втором, и в третьем случае незыблемым оставался впечатляющий толстовский символ организованного участия больших масс людей в истории из заключительных философских глав «Войны и мира»: **конус**. Помните? В его основании рядовые участники события производят действия (на войне – режут, грабят, жгут), получают приказания, но никогда не приказывают сами, а на вершине, не принимая никакого прямого участия в самом действии, делает распоряжение о движении масс полководец. Историческая персона. «Ярлык» события, надобный Льву Николаевичу единственно для того, чтобы утвердить безосновательность любой власти как

✉ В основу статьи положен доклад на Международной научной конференции «Наследие В.В.Розанова и современность» (Москва, РАН, 29-31 мая 2006 года).

¹ Толстой Л.Н. Война и мир: Том третий // Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т.6. С.9.

² Там же. С.11.

³ Розанов В.В. Л.Н.Толстой и Русская Церковь // Розанов В.В. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) М.: Республика, 2005. С.247.

причины события и, все-таки озаботившись поиском ее (причины), предположить волю божества в его независимости от времени либо представить человека совершенно свободного, чья самодостаточность вне пространства, времени и причин будет «ничто или одно содержание без формы»⁴.

Розанов как факт русской и европейской истории состоялся в фантастической способности дать этому «ничто» форму, выразив – в нашем сегодняшнем допущении – главную альтернативу современной эпохи, когда-то сформулированную С.Залыгиным и А.Адамовичем: не «что такое хорошо?» и «что такое плохо?», а «что такое ничего?». У Розанова сложились свои отношения с толстовской геометрией, позволившие ему перевернуть фигуру, сделав вершину основанием, замкнув ее на себе. Он лишил символический конус устойчивости и взглянул на мир с околицы универсума, чтобы невзначай смоделировать типы «нелинейных» и необратимых решений ситуации, целостность которой – в подручных у случая.

В конце XX века естествоиспытатель и мыслитель, нобелевский лауреат в области химии Илья Пригожин построит на этом свою «философию нестабильности», избрав для наглядности убеждения маятник, груз которого расположен в точке, противоположной самому нижнему положению. (Чем не перевернутый конус с точкой опоры, доверенной всегда неожиданному человеку, каким запомнился друзьям Розанов – «такой шарик, который можете придавливать – он выскользнет, но который не войдет в состав целого мира: он сам по себе...», «стихия хаоса...не признающая никакой себе грани»⁵?) Поди-ка, угадай, в какую сторону этот маятник устремится? А ведь с неизбежностью в какую-нибудь – да свалится, вот только откуда подует ветерок? Да и откуда бы не подул, падение все равно станет неизбежностью predeterminedного, но не поддающегося расчету события. Беспорядочность, случайность ожидаемых метаморфоз в их неодолимой предназначенности обуздают хаос, соорудив из него новый порядок и уравнив в правах блюстителя точных наук и вольноопределяющегося литератора, в распоряжении которого – «конечное число слов» (И.Пригожин)⁶, но бесконечное множество гипотетических линий сюжета. Увы, на рубеже тысячелетий ученый и художник увидят мир почти одинаково. «Следует лишь распрощаться с представлением, будто этот мир – наш безропотный слуга», – продолжил бы И.Пригожин, предварительно, на примере процессов в термодинамике, пояснив созидательный потенциал ситуации неопределенности: «Вдали... от равновесия каждая часть системы “видит” всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает. Следовательно, лишь в неравновесной системе могут иметь место

⁴ Толстой Л.Н. Война и мир: Том четвертый // Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т.7. С.349.

⁵ Флоренский П.А. О В.В.Розанове (письмо М.И.Лутохину) // В.В.Розанов: pro et contra / Сост. В.А.Фатеева: В 2 кн. СПб.: РХГИ, 1995. Кн.2. С.316.

⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С.51.

уникальные события и флюктуации, способствующие этим событиям», а смена типов решений может изменять «пространственно-временную организацию объекта»⁷.

Сомнительно, чтобы будущие фундаментальные последствия этого мировоззренческого поворота угадывались в историософии Толстого теми, кто почивал на лаврах «позитивизма и бессмыслицы» (по слову Розанова⁸) и корил философствующего в «Войне и мире» графа за дилетантство. Тем не менее, означенные следствия, без сомнения, уже присутствовали там. Хотя бы тогда, когда «закон необходимости» не был возможен для Толстого без знания «*бесконечного* количества пространственных условий, *бесконечного* великого периода времени и *бесконечного* ряда причин»⁹.

Розанов сам – событие и единичное его объяснение; толстовская «роевая» жизнь¹⁰ человечества, проживаемая как «личная»: «Талантливый момент придвинул к нам Бог. Сумеет ли мы около него сами быть талантливыми»¹¹. Пожалуй, это розановское вопрошание знаменует именно то, что И.Пригожин в мировоззренческом плане назовет «неравновесной системой», которая в нашем случае возникает из тяготения к сакраментальному «около»¹². И хотя XX век, погрязший в фатальных заблуждениях, мог бы рассчитывать на искупление старых грехов в новой картине мира, которая вырвалась из причинно-следственной рамки, ее гуманистические шансы представляются более предпочтительными. Создателю философии нестабильности они откроют возможность уникальных (не прогнозируемых) событий, в которых время станет тем, что «конструируется в каждый данный момент. И человечество может принять участие в процессе этого конструирования»¹³. По И.Пригожину, нестабильный и созидательный мир вернет человечество в центр законов мироздания и обнаружит историческую перспективу, утраченную в той концепции вечности, которая, исключив из законов физического мира случай как уникальное событие, разлучила его с историей.

Симптоматично, что впечатляющий опыт литературы, посвященной катастрофе всемирного масштаба, – «Чернобыльская молитва» С.Алексиевич будет предварен размышлением автора о «пропущенной истории», а своим композиционным строением изберет «хор» и «монолог» непридуманных персонажей. Роевое, необходимо-всечеловеческое, и личное словно

⁷ Пригожин И. Философия нестабильности. С.50.

⁸ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С.24.

⁹ Толстой Л.Н. Война и мир: Том четвертый. С.349.

¹⁰ См.: Толстой Л.Н. Война и мир: Том третий. С.10.

¹¹ Цит. по: Курбатов В.Я. Слово о сложителе // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост. Ю.И.Селиверстова. М.: Мол. гвардия, 1992. С.268.

¹² В соперничестве Солнца и Христа, этой важнейшей коллизии «Апокалипсиса нашего времени» Розанова, аргументы и контраргументы также обретаются автором «около». «Христос своротил всем людям “рыло на-сторону” и ... нарушил СТАТИКУ мира», - писал Розанов (см.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.364), как будто и не остерегаясь своей дерзости, потому что: «Я (Солнце. – И.А.) одно и царственно: а ОКОЛО меня – все ... и во всех-то упор, вершина и завершение» (Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.331).

¹³ Пригожин И. Философия нестабильности. С.52.

восстановят основания античной эстетики с ее пониманием Судьбы как данности, свершившегося. Для многих и многих поколений, не на одну жизнь вперед обреченных жить на «земле мертвых» (название первой главы книги), Чернобыль отменил время. Однако если реальность уже состоялась как неопределенность и нестабильность («ни системы представлений, ни аналогов, ни опыта»¹⁴), остается последняя, спасительная возможность добиваться равенства человека и события: «Чтобы что-то понять, человеку надо выйти за пределы самого себя»¹⁵.

В истории литературы и науки, идеологически укорененной в культуре (как это мыслил И.Пригожин), подобное с блеском удавалось Розанову, у которого остро осознаваемая историческая возможность бывала соразмерна риску: события-неизвестности, тем паче – катастрофы.

Умалая себя в истории (быть талантливым «около»; «жить улицею, околоточком, и – не более»¹⁶), Розанов прозревал правду целого, «как бы правду Вселенной», в которой траектория события уклонялась от заданных координат и ответ на вопрос «о солнце и земле» следовало искать не «по кубам расстояний» Коперника, а как в розановском «Апокалипсисе нашего времени»: в оправдании Божеского и Отцовского «с болячками, и с коростами, и с поносами, и с запорами дитяти-человека», вызывающими восторг автора: «Как чудно! О, как хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи...»¹⁷

Любой детский конфуз из умиливших Розанова наступает, говоря новомодным философским языком, в «точке бифуркации», принадлежность которой необратимому казусу бытия преобразует мир. Розанову эта пирамида жизни ясна была «в основании и завершении»¹⁸, как и он сам современникам в полноте ее воплощения. «И потому Вас<илия> Вас<ильевича> надо глотать целиком – если можете и хотите, и отбрасывать целиком – если не умеете и не желаете проглотить... – предупреждал П.А.Флоренский. – Например, если бы его приютил какой-нибудь монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахару и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, Вас<илий> Вас<ильевич> с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских индукций *ab eodem ad omnia* (от частного к общему – *лат.*) – все монастыри вообще... И воистину, он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по проникновенности лирики»¹⁹.

Не обманываясь на свой собственный счет, Розанов обстоятельству образа действия, загодя исчисленному «кубу расстояний», противопоставлял самый образ действия, сказуемое того предложения, что составляло для него

¹⁴ Алексиевич С. Чернобыльская молитва (Хроника будущего) . М.:Остожье, 1997. С.26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.28.

¹⁷ Там же. С.24.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ Флоренский П.А. О В.В.Розанове (письмо М.И.Лутохину). С.316-317.

«всемирную историю и человеческую жизнь»²⁰, и азартно переводил собственное своеволие в разряд исторического свидетельства – по Толстому: «...действие... совершенное в известный момент времени, становится невозвратимым и делается достоянием истории, в которой оно имеет не свободное, а предопределенное значение»²¹. Правда, невозвратимое то и дело возвращалось к Розанову, но уже иными оттенками, смыслами, перспективой; решительно меняло местами слагаемые, которые непостижимым образом изменяли сумму, никак не сложимую в окончательное розановское суждение.

Вряд ли кого-нибудь нужно убеждать в том, что Розанов дает повод поговорить обо всем. Куда более важным, принципиальным обстоятельством является то, каковы мы сами в этом размышлении, насколько вообще способны на вразумительный диалог с Розановым.

Розанов вездесущ, «присутственен» в каждом человеческом шаге, переменчивость которого предназначена таинствами рождения и смерти. Блажен ли был Василий Васильевич, посетив сей мир в его минуты роковые? Или блажил, гримасничая уродствам времени, подчиняя себе пространство, пустота которого всегда – «смерть»²²? Гений времени и места, он заполнял пространство гибнущего Отечества собой, чрезвычайно прибывая в размерах, пропитывая собой все поры исторической, общественной, творческой жизни рубежной эпохи. «Амальгама» Розанов (говоря его же словами из «Культурной Океании»), соотношения которой позволяли ему превзойти себя и, словно барон Мюнхгаузен, вытянуть из болота гибельной опасности за волосы, затеяв в «Апокалипсисе нашего времени» онтологический диспут с сыном: «Нет ли такого, что было бы больше самого себя?»

Есть, отвечает Розанов, потому что «у меня – ты, да дома три дочери, с которыми ты все ссоришься, да Вера – в монастыре. Всех вас бы не было *без меня*: между тем впятером *вы больше меня*»²³.

Есть, потому что и сам «Апокалипсис» (не розановский, а тот, который заново прочитан им) – не Слово, а Событие²⁴. Как и вообще литература, деятельно-событийная, повинная в бедах российских, накликавшая революцию, в которой впечатления еды становятся главными. А потому: «Радуйся, русская литература. И ржаная мука уже 350 р. пуд»²⁵. И этот аппетит истории, увы, одним Розановым уже не удовлетворить. Потребуется еще «новая проза» Шаламова, упрежденная Розановым в том, что Шаламов сформулирует как «окрашенный душой и кровью мемуарный документ»²⁶. Потребуется жестокий расчет со всей литературной учительностью, «толстовцами» и «вегетарианцами», которые у Шаламова станут первыми террористами под очевидно розановским «христианским небом» –

²⁰ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.22.

²¹ Толстой Л.Н. Война и мир: Том третий. С.10.

²² Розанов В.В. Лучшая книга по средневековой истории (К воспоминаниям о М.М.Стасюлевиче) // Розанов В.В. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) М.: Республика, 2005. С.25.

²³ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.303.

²⁴ См.: там же. С.14.

²⁵ Там же. С.33.

²⁶ Шаламов В.Т. «О моей прозе» // Собр. соч.: В 4 т. М.: Худож. лит., Вагриус, 1998.Т.4. С.376.

учительным, «без мира и вообще акосмическим»²⁷. Потребуется ГУЛАГ, Освенцим, Хатынь, Чернобыль, мировоззренческий опыт которых взыскательно переосмыслит розановскую эксцентрику

Сноровка немецкого барона на полях былых российских побед окажется не так уж нелепа. Наоборот, притяжение противоположностей как раз и приведет нас к тождеству форм в полюсах мира, «божественной и демонической пирамиде», всю разницу между которыми Розанову открывало «я» в его отношении к «другому», «кому-нибудь». В «Литературных изгнанниках» он договаривал это В.Соловьеву, обделенному, по убеждению Розанова, чувством другого²⁸, сам будучи воплощенными первым и вторым, инобытийным и инакомыслящим по отношению к себе.

Воистину, Розанов не подлежит обобщению и, говоря об эпохе катастроф у него, мы допускаем вынужденную неточность, под грузом собственных неурядиц рассчитывая на мудрость и сноровку того, кому выпало быть свидетелем и участником иных потрясений, чтобы в конце концов найти убежище от них в укромных уголках бессмертной человеческой души. В самом деле: ужас войны (новой Отечественной, затем первой мировой и империалистической) для него никак не катастрофа, а «прилив молодости»²⁹, «великое воспитание»³⁰, «целительница-война»³¹. «Обонятельное и осязательное» отношение Розанова к миру принуждает теряться в догадках, что есть состав катастрофы в резком аромате «Сахарны»: сам автор или событийный повод к ее написанию? Однако даже неуловимое розановским обонянием запросто может стать катастрофой для нас, как практически не замеченная Розановым Беларусь, которая, впрочем, ответила ему взаимностью, по существу Розанова не прочитав и не услышав, а только... повторив.

Не тогда, когда Василий Васильевич в патриотическом возбуждении славил Государя за то, что тот «дал мысль войне» и фундамент быть ей *историческою*, озаботившись «целизной» Польши под Русским скипетром после двух восстаний, также белорусских³². Но тогда, когда сама Беларусь на пороге XX века усилием литературы вытаскивала себя из болота исторического забвения – за волосы, с криком и крестьянским причетом в национальной поэзии страдания. Литературный опыт из ничего, из пробудившегося поэтического «я» формировал образованную элиту, порождал ее творческим упражнением – фактически восстанавливал социальную структуру общества, более чем на два столетия утраченную в эпоху «потопа» (1654-1667) и последующей демографической катастрофы. А главное, убедительно подтверждал розановскую аксиому: с литературы за многое спросится, но ей же за многое воздастся. Вслед за Розановым

²⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.79.

²⁸ См.: Розанов В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. М.: Аграф, 2000. С.104.

²⁹ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение // Розанов В.В. Последние листья. М.: Республика, 2000. С.255.

³⁰ Там же. С.266.

³¹ Там же. С.326.

³² См.: там же. С.290-291.

поднаторев в удалстве смекалистого барона, современная белорусская словесность смело пробует себя в онтологической эксцентрике и, например, никак не стесняется попотчевать читающую публику «Дулінай ад Барадуліна» (от народного поэта Беларуси Рыгора Бородулина) с россыпью раскрепощенных эссе о том, как белорусы: «паганства пільнуюцца» (язычества придерживаются), «гасьцей прымаюць і ў госьці ходзяць», «адпачываюць» (отдыхают), «ракаў ловяць» и «сэксам займаюцца». Трансцендентная повседневность очень по-розановски убеждает нас в том, что слово «секс» пришло из книжек, а живучая интуиция не нуждается в эвфемизмах, ибо: «Кожнае дыханьне любіць папіханьне»³³.

Для Розанова это дыхание плоти – великое **САМ** («сам знаю», «никто не учил») и **СЕЙЧАС** («которое проглотило весь мир... Муж проглотил жену, проглотившую мужа»)³⁴. Они подвигают собирателя «Последних листьев» на откровенное признание: «Разврат есть сущность мира»³⁵ и требуют от самого жертвы невиданной: «Грустящая проститутка» - о себе. И с раздражением, доказательно, в ремарке: «Как это может быть? Не “может”, а “вышло”»³⁶. Вышло, потому что «мир – один. От жука до Вифлеема»³⁷ и навозный Скарабей может быть Богом Вселенной. Потому что Солнце больше Евангелия и верой становится страсть. Из записей 1916 года: «Господи, я ничего так не хочу, как Тебя. Но я Тебя не знаю»³⁸.

Избежав исторических обобщений у Розанова, угодно ли нам принять это? Впрочем, катастрофы ушедшего века не очень щедры по части нашего выбора. Наблюдая вместе с автором «Чернобыльской молитвы» за Вселенной, которая сворачивается в рулон снятого радиоактивного грунта с зеленым ковром травы и всякой тварью Божией, в ней обитающей, мы обнаруживаем в этом исходе жизни не только свидетельство розановского единства мира, но и противоположность его спасительным координатам: точке, из которой Вселенная расширяется; кругу, вытянутому в эллипс, превращенному у «египтянина» Розанова в престол проповедника³⁹, в престол Апокалипсиса, «посреди коего сидят животные»⁴⁰.

Смирившись с этим, мы упорствует в другом: признавая розановское **САМ** и не отказываясь от его же **СЕЙЧАС**, отвергаем толкование. Но парадоксальным образом именно в этом протесте твари, признающей Творца, против самого порядка творения мы осуществляем Розанова в себе⁴¹. Вместе с ним оказываемся на порубежье природы и истории, которое соединяет, скрепляет все элементы розановской мозаики, начиная с «Легенды о Великом

³³ Дуліна ад Барадуліна. (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе). – Радыё Свабодная Эўропа/ Радыё Свабода, 2004. С.178.

³⁴ Розанов В.В. Последние листья. 1916 год // Розанов В.В. Последние листья. М.: Республика, 2000. С.15-16.

³⁵ Там же. С.14.

³⁶ Там же. С.124.

³⁷ Там же. С.225.

³⁸ Там же. С.14.

³⁹ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.270.

⁴⁰ Розанов В.В. Последние листья. 1916 год. С.24.

⁴¹ См.: Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост. Ю.И.Селиверстова. М.: Мол. гвардия, 1992. С.118.

инквизиторе Ф.М.Достоевского», где речь идет о развитии идеи, действительности в ее пределе, и заканчивая «Апокалипсисом нашего времени», этой смертной тоской Розанова по древности, которая «дышала раем»⁴², проникнутая идеей «целости, неразрушенности, единства», когда «зерно – одно». «Зерно. Семя. Чистая кровь»⁴³.

В работе «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского» Розанов писал: «...в нормальном процессе всякого развития *благоденствие самого развивающегося существа есть цель*; так, дерево растет, чтобы осуществлять полноту своих форм, - и то же можно сказать о всем другом. Из всех процессов, которые мы наблюдаем в природе, есть только один, в котором этот закон нарушен – это процесс истории. *Человек есть развивающееся в нем, и следовательно, он есть цель*; но это лишь в идее, в иллюзии: *в действительности он есть средство, а цель – это учреждения, сложность общественных отношений, цвет наук и искусств, мощь промышленности и торговли*. Все это неудержимо растет, и никогда не придет на мысль бедному человеку хоть когда-нибудь не дать переступить через себя всему этому, не лечь перед торжествующей колесницей Ваала и не обрызгать колес ее кровью»⁴⁴.

Поиск «естественной и необходимой социализации»⁴⁵, в которой осуществлялась бы полнота человеческих форм, приведет Розанова туда, где есть и эллин, и иудей. Оберегаемый православно-религиозным сознанием, он еще не вступает на тропу войны в «Легенде о Великом инквизиторе», но явственно обзирает ее, размышляя о славянской, германской и романской расах. Он еще трепещет перед «величайшим обобщением фактов» в библейских образах, но уже гениально угадывает конкретные обстоятельства, в которых формируется германский дух и вызревают будущие политические решения, так занимавшие Розанова в годы войны (и впрямь, германские впечатления Розанова тех лет – одни из важнейших и самых принципиальных). Причем эти впечатления на десятилетия переживут его самого.

Когда Розанов относит на счет традиций германца «домашний быт взамен политических столкновений, созерцание глубин собственного я вместо познания мира»⁴⁶, он по сути формулирует выбор Германии 1933 года, который крупнейший исследователь истории Третьего рейха профессор Иохим Фест обусловил внезапным переходом немецкого обывателя из «бидермейера» (т.е. простодушного мирозозерцания) в модерн. Именно тогда растерянность перед новым, чужим миром призвала в поводыри «пророков озлобленной традиции»⁴⁷, на которой паразитировал национал-социализм, преумножая аполитичный эстетизм немецкого национального сознания, потакая проснувшимся надеждам бюргера на обретение Востока,

⁴² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.251.

⁴³ Там же. С.248-249.

⁴⁴ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе. С.95.

⁴⁵ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.57.

⁴⁶ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе. С.175.

⁴⁷ Фест Иохим. Гитлер. Биография: Путь вверх. М.: Вече, 2006. С.156-157.

новой культуре которого якобы надлежит соединить германскую технику и старогреческий дух.

Розанов безоглядно связывает себя с этими европейскими рисками, напуганный «искусственным, дрянным, враждебным и враждующим со всеми “социализмом”»⁴⁸. Он преисполнен воодушевления войной, которая наконец-то дает искомое ощущение полноты форм, являясь для него не военно-политическим событием, а «расовой и культурной борьбой» двух миров⁴⁹. В свою очередь формы «социализации» приобретают у Розанова несомненные черты языческого поклонения. Такое вхождение «в историческую годину»⁵⁰ все более истощает розановское христианство, подготавливая антихристианский бунт «Апокалипсиса». Но пока еще велики надежды на Россию-жизнь: «единую, целую, племенную, вечную и обеспеченную»⁵¹. Еще «все чудно сплетается в этой войне». ⁵² Еще «будем все как один человек»⁵³, кажется, не отвергнутый более в пределе своей идеи, своей действительности. И все-таки побежденный...

Любопытно, однако негодующий рык «Апокалипсиса» не помешает Розанову преклонить голову перед победителем, который превозмог противника, не уступив ему в выборе оружия. «Против нас, русских, - это во всяком случае преступление (о «как бы тайном» национальном соглашении немцев, готовых на подчинение и покорность ради общего дела. – И.А.). Но здесь национальный эгоизм выразился в такой исключительной форме, таким исключительным способом и самопожертвованием, какой напоминает самые патетические минуты Рима и Греции»⁵⁴. А нам навеивает воспоминания о псевдоантичной эстетике нацистской Германии, пути которой пересекутся с грезами Розанова о Востоке в «Апокалипсисе»: «Насколько Евангелие есть типично европейская книга, настолько Апокалипсис есть азиатская книга».⁵⁵

Предчувствуя Германию будущего (и, кстати, не только он: по словам И.Феста, после войны «редкая эпоха ощущала так отчетливо свою собственную гибель... Впервые Европа получила представление о том, как будет выглядеть будущая жизнь»⁵⁶), Розанов утешает себя надеждой дать ей пророков и – попытаться – понятие о святости⁵⁷. Его разочарование в «богочеловеческом процессе» и «союзе»⁵⁸ еще не допускает кощунственного сарказма по поводу «добротного человека, собезьянявшего бога-отца», из мистически-экзальтированной эклектики «Майн Кампф», но все более откровенно отзывается давней розановской шутке о Дарвине, который произошел от умной обезьяны. Вторая послевоенная эпоха, пожиная

⁴⁸ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.57.

⁴⁹ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. С.266.

⁵⁰ Там же. С.256.

⁵¹ Там же. С.302.

⁵² Там же. С.327.

⁵³ Там же. С.256.

⁵⁴ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.260.

⁵⁵ Там же. С.78.

⁵⁶ Фест Иоахим. Гитлер. Биография: Путь наверх. С.150-151.

⁵⁷ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.28.

⁵⁸ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.14.

чудовищные плоды нацистской чумы, язвительно, сквозь слезы, усмехнется обломкам мракобесия и словами английской пословицы, процитированными А.Адамовичем в главе о Гитлере из повести «Каратели», восстановит пошатнувшуюся пирамиду мироздания: «Чем выше обезьяна взбирается по дереву, тем лучше виден ее зад»⁵⁹. Видимо, совсем не случайно то, что уже было названо риском европейской истории и культуры, вдруг открывает так много розановского в документально-философском исследовании А.Адамовича. И в первую очередь – в притчевой главе «Разговор умершего Бога с проституткой».

Русский нищеганец, каковым Розанов имел основания себя считать и даже противопоставлял себя немцу по интенсивности, глубине размышления, открыто жаждал борьбы с «нищеганским “сверх-человеком”»⁶⁰, предстает на страницах повести в различных ипостасях. Грешница, блудница, от болезни которой обезумел тот, кто первым возвестил кончину Бога, ищет покаяния, но совсем по-розановски не находит... даже осуждения. Целуя блудницу в губы, Бог восстанавливает «богочеловеческий союз», скрепленный мученичеством сына, который «против меня поставил мою же заповедь»⁶¹, и собственным, теперь уже смертельным, недугом, ибо «я не из глины создал вас – из вдохновения!»⁶². Едва ли не розановского, если единственная божественная печаль – о полноте человеческих форм: «Я лишь сосуд изваял – особенный, не могу не гордиться! – и вручил вам. Сами собой наполняйтесь. Всем, что накопили, накопите. Друг другом наполняйте себя. Собою – других. Род ваш неделим. В тебе – все, и в каждом – ты. Сами себя делающие, творящие – вот кто такие люди!»⁶³.

«Блуд» – «Ложь», а вовсе не «блуд полового соединения», как переврала церковь, обвинив «блудом» самого Бога, повелевшего всем существам множиться. «Блуд половой» почище ваших митр, господ...»⁶⁴ – огрызался Розанов, разгадывая видения Апокалипсиса. «Дела плоти» для него – «суть космогония»⁶⁵. Его RELIGIO – рост, возрастание, «больше». Мир из «отцовской точки», который сам себя вытаскивает из трясины блудалжи. Всё и задышало, когда появилось. Бог – не бытие и всемогущество, а вздох, первое веяние, утро, из которого «все – “потом”»⁶⁶.

Вряд ли из контекста розановского размышления были бы безоговорочно изгнаны сентенции учителей «новой» Германии о природе, которая «не любит помеси рас»; об институте брака, который нужно поднять на новую высоту; об армии, которая была лучшей школой нации (а у Розанова в «Апокалипсисе», заметим, образовала «отборную часть

⁵⁹ Адамович А. Каратели: Радость ножа, или Жизнеописания гипербореев // Адамович А. Хатынская повесть; Каратели: Радость ножа, или Жизнеописания гипербореев. Минск: Мастацкая літаратура, 1987. С.377.

⁶⁰ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. С.308.

⁶¹ Адамович А. Каратели. С.324.

⁶² Там же. С.322.

⁶³ Там же. С.325.

⁶⁴ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.74.

⁶⁵ Там же. С.22.

⁶⁶ См.: там же. С.31-32.

населения»⁶⁷), об арийском происхождении богов (Прометея – у германцев, Христа – у Розанова, у Горького же и вовсе объявленного воплощением Прометея). Скорее, возник бы вопрос о величинах истинных и мнимых. Символично, что переосмыслить его пришлось бывшему розановскому гимназисту М.М.Пришвину, который знал и заступничество своего учителя, и плату за эту добродетель обидой, нанесенной ему.

В романе-сказке «Осударева дорога» о строительстве Беломорканала Пришвин, знающий наверняка, что «самое грубое и необходимое дело в природе есть убийство»⁶⁸, пытался примирить долг и свободу, «хочу» и «надо», дать путь к коммунизму, но не тот, каким дают его доктринеры»⁶⁹. Иной путь неизбежно предполагал поиск таких форм естественной социализации (по Розанову), в которых силушка хоть и «грешна», но каждая тварь в ее желании **быть** – права, хотя желание ее оправдывает насилие – начальную мысль «Осударевой дороги», в которой признается Пришвин, оставив в душе своей неразрешимый вопрос «о *нравственном* значении Петровой дубинки, *образующей охрану души* человека»⁷⁰. Его строительные леса к роману, составленные из писательских дневников вдовой В.Д.Пришвиной, впечатляют почти готической, неумолимой суровостью – до тех пор, пока из этой конструкции не извлечешь маленькую скрепу-вопрос 1952 года: «В большом есть и то, что содержится и в малом, но в малом, – есть ли в малом большое?.. в малом цветке содержится солнце, в капле росы – вселенная. Даже в злом комаре можно видеть “героизм”, когда он впивается в человека. ... Но есть человек самый страшный, и *такого существа нет в природе*. В нем большое не отражается, и он о всем мире судит по себе. Сам же себя он называет простым человеком, и это был и есть “герой” текущего времени...»⁷¹.

Розанов называл таких «убогонькими в истории»⁷², лишенными моцартианского самоощущения, из которого мир («в вечном зерне – Моцарт») цветет и счастлив. При безобразии «я», о чем и напоминал Розанов, все трюки забавного, очаровательного германского ловчака превзойти себя самого – бессмысленны и безнадежны: доверившись классическим законам физики, барону лучше испытать себя в полетах на пушечном ядре. Однако баталии XX века, не в пример военному политесу минувших столетий, даже розановскому убогонькому позволяют осуществиться в его пределе. «Простой человек» в полноте своих форм – это «толстовец» и «вегетарианец» по Шаламову, которым всегда найдется дело, если главный вопрос нашего времени и нашей морали – «уничтожение человека с помощью государства»⁷³. Печально, но гуманист-созерцатель здесь почти неотличим от юродствующего во злобе. И когда изгнанник Л.Фейхтвангер в

⁶⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.11.

⁶⁸ Пришвин М.М. Дневники // Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т.8. С.437.

⁶⁹ См.: ...Из русской думы / Сост. Ю.Селиверстова : В 2 т. М.: Роман-газета, 1995. Т.2. С.180.

⁷⁰ Там же. С.185.

⁷¹ Там же. С.192.

⁷² Розанов В.В. Убогонькие в истории // Розанов В.В. Террор против русского национализма. С.353.

⁷³ Шаламов В.Т. О прозе // Собр. соч.: В 4 т. Т.4. С.370.

первых же строчках «Москвы 1937», восславившей, по его выражению, государство диктатуры «на базисе разума», говорит о том, что мировая история всегда представлялась ему «великой длительной борьбой, которую ведет разумное меньшинство с большинством глупцов»⁷⁴, он едва ли не дословно повторяет юдофоба Гитлера, упоенного «железным законом природы»: «В извечной борьбе человечество выросло – в вечном мире оно погибнет»⁷⁵. А значит, заведомо противится розановскому благословию, искреннему настолько, насколько это возможно в последнем откровении, в чем «Апокалипсис» Розанова так созвучен каноническому: «Живите, евреи. Я благословляю вас во всем... в вас... есть такое “зернышко” мира, которое – “мы сохранили одни”. Им живите». Живите «Домо-строим», напутствует Розанов, в гнездышке, где «бедный человек» греется и Бог ютится. Гнездышка ищет «сам Бог»⁷⁶.

Опрошение мироздания доводит идею зернышка до Вселенского абсолюта, воплощая толстовца – в Толстом. В его гнездышке, яснополянской усадьбе, проходят для Розанова границы христианства и границы язычества. Он уходит из Ясной Поляны – «от слабости в силу». Он уходит из христианства, в которое вошли все и оно «исчезло, как чистое», но уходит, чтобы христианство вернуть. Уходит «в настоящий и подлинный, внутренний авторитет»⁷⁷, в полноту форм и предел своего осуществления, которыми Розанов проникается «перед гробом Толстого»: «...“явление Толстого в России”... походило на какой-то миф. ...Великий старец был “человек”... предпочитая оставаться просто “русским человеком”, без определений, без границ, без мундира и сословности, без формы и ремесла. ... Мир около него!...»⁷⁸.

Толстовская простота исчерпывает самое форму. Продолженный Розановым поиск ее (после Толстого), ощущение Государства как «вещи, ничем не заменимой в смысле обучения», «одушевление государственности»⁷⁹ в грядущей истории XX века жестоко обозначит рубеж варварства и мира как религии. Его нигилистическим (почти в розановском понимании), нулевым воплощением как раз и станет озлобленный «вегетарианец», все-таки добившийся предела в осуществлении своей метафизической пустоты, заместивший собой эфемерию радикальной германской мечты 1930-х годов. Мифологизированный аноним, сформированный в обстановке мужского общежития – без розановского «гнездышка». «Человек из народа», «неизвестный фронтовик Первой мировой войны», избранный Провидением «человек без имени»⁸⁰ в обрамлении дешевых театральных эффектов. Собираательный тип, падкий на пышные представления и в силу этой собирательности, абстрагированности

⁷⁴ Фейхтвангер Лион. Москва 1937. М.: Издатель Захаров, 2001. С.7.

⁷⁵ Цит. по: Фест Иоахим. Гитлер. Биография: Путь наверх. С.343.

⁷⁶ См.: Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С.56-58.

⁷⁷ См.: Розанов В.В. Язычество и христианство в Ясной Поляне (К уходу Л.Н.Толстого) // Розанов В.В. Загадки русской провокации (Статьи и очерки 1910 г.). М.: Республика, 2005. С.386-387.

⁷⁸ Розанов В.В. Перед гробом Толстого // Розанов В.В. Загадки русской провокации. С.394-395.

⁷⁹ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. С.268.

⁸⁰ Цит. по: Фест Иоахим. Гитлер. Биография: Триумф и падение в бездну. М.: Вече, 2006. С.217.

от живого, человеческого считающий себя в праве апеллировать к Судьбе. «В известном отношении Гитлер просто не человек, он не достижим, до него не дотянешься», - цитирует профессор И.Фест Магду Геббельс⁸¹.

Лев Толстой и Адольф Гитлер на одном рубеже противостояния – безумная фантазия эпохи. Но разве в самом Розанове не укореняется эта неразличимость божественного и демонического? Он чувствует «свое Государство» и радуется, что обыватель скрывается в «строгих и ответственных чертах» гражданина⁸². Он восторгается русским народом – не просто государственным, но «глубоко и обширно государственным»⁸³. Однако, повторяя слова знакомой русской барыни о немцах, негодует в их адрес: «Их церковь – не в кирке, а возле памятника Бисмарку, против рейхстага. ... Государственная религия, - и другой немцы не имеют. Они молятся молитвами королевской Пруссии и императорской Германии...»⁸⁴. То, что немцу – «смерть», становится русскому – благо... И только розановское «я», всеобъемлющее, одолевающее порог древних религий в благоговейном трепете за «другого», взламывает тождество форм божественного и демонического и выходит за грань космического. Солнцеклонник Розанов ищет спасения в религии египтян и, переступив грань человеческого рода, вступает в «бесконечность целого мира»⁸⁵, единого от египетского Скарабея до христианского Вифлеема.

Розанов – светотень эпохи. Но и ее животворящий, космогонический синтез, вне которого являет себя будущий розановский визави, чтобы вооружить древний солярный знак варварскими мотыгами и погрузить Германию во тьму национал-социализма, преуспев в официальных ночных церемониях смерти⁸⁶. Неспособный открыть солнце («Египет»), потому что – предупреждал Розанов – для этого нужно было «собственно *в себе открыть семью*»⁸⁷, улыбнуться миру «улыбкой истории»⁸⁸ и, создав семью, произвести все прочие идеи: провидения, загробного суда, греха, царства, воинов⁸⁹. Розанов боготворит идею СОТВОРЕНИЯ, которая не знает предела, спустя годы положенного самой истории в застывшей эстетике «тысячелетнего рейха». Именно проблематика предела во многом будет характеризовать у Э.Фромма концепцию биофилии как «страстной любви к жизни и ко всему живому»⁹⁰, неоставленности мира за гранью человеческого «я», спасения мира от сиротства, которое грозит ему в добровольном заточении тотально одинокой нарциссической личности, где мир фантазии более реален, чем реальность, и для самой реальности – разрушителен. Э.Фромм уже мог диагностировать некрофилию в поступках исторических

⁸¹ Фест Иоахим. Гитлер. Биография: Триумф и падение в бездну. С.221.

⁸² Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. С.267.

⁸³ Там же. С.303.

⁸⁴ Там же. С.308.

⁸⁵ Розанов В.В. Последние листья. 1916 год. С.227.

⁸⁶ См.: Фест Иоахим. Гитлер. Биография: Триумф и падение в бездну. С.203-206.

⁸⁷ Розанов В.В. Последние листья. 1916 год. С.229.

⁸⁸ Там же. С.230.

⁸⁹ См.: там же. С.228.

⁹⁰ Фромм Э. Некрофилия и Адольф Гитлер // Вопросы философии. 1991. № 9. С.103.

персон (Гитлер для него – «клинический случай»⁹¹). Однако и он навряд ли превосходит ту меру определенности в суждении о фундаментальном конфликте природы и социума эпохи катастроф, которую задает Розанов в статье «О самоубийствах» из цикла 1911 года. Его вывод – одно из немногих у Розанова окончательных обобщений: «Самоубийство всегда есть *катастрофа...*»⁹². Катастрофа биологическая; личности и биографии. Катастрофа экономическая. Наконец, катастрофа «воли как жизненного напряжения, жизненной энергии»⁹³. «В глубочайшем зерне своем самоубийство всегда есть клевета... – итожит Розанов. – Метафизическая клевета. В самоубийстве есть нечто демоническое. В самом деле злое... Пусть в то же время и несчастное»⁹⁴.

Сказанное исполнится в европейской истории как пророчество. Германия Второй мировой войны вновь удивит мир тем, что, по согласному мнению западных историков, станет после самоубийства «вождя» единственной побежденной страной Европы, не породившей никакого движения Сопротивления⁹⁵. Не потому ли, что, с точки зрения Розанова, какое-то особенное право на тело самоубийцы имеют толпа в ее обезличенном значении и «чужие»⁹⁶, а равнодушные – не сопротивляются. Розанов вновь, в перспективе исторической оценки, оказывается больше самого себя. И разве только об «огнепоклоннике и антихристианине» Ницше сокрушается в «Карателях» А.Адамовича Бог, примирительно соединяя грех и искупление догадками историков: «Он лишь выразил красиво – и может, это главный грех его! – совратительно красиво прояснил то, что происходит в мире. И тем самым повесил вину времени себе на шею...»⁹⁷

Утолив эту вышнюю печаль, Розанов жизнеутвердительно прирастает в том, что само по себе достойно порицания, как его экстатическое самоуничтожение перед организованной армейской мощью, вызванное случайной встречей с конницей «лет одиннадцать тому назад» – от года 1914-го.

«Задумчивый странник», каким вспоминает З.Гиппиус Розанова и эту встречу, родившую не мысль, а «непременно» физическое, телесное ощущение⁹⁸, переживает восторг перевоплощения. «...преувеличенная *мужественность* того, что было передо мною, - признается Розанов, - как бы изменило структуру моей организации и отбросило, опрокинуло эту организацию – в женскую»⁹⁹. Именно зов пола оправдывает неизбывную, генетическую антиномичность Розанова, павшего ниц перед «колоссом физиологии, колоссом жизни», приравнявшего суть армии к «великой

⁹¹ Фромм Э. Некрофилы и Адольф Гитлер. С.106.

⁹² Розанов В.В. О самоубийствах // Розанов В.В. Террор против русского национализма. С.336.

⁹³ Там же. С.341.

⁹⁴ Там же. С.343.

⁹⁵ См.: Фест Иоахим. Гитлер. Биография: Триумф и падение в бездну. С.595.

⁹⁶ Розанов В.В. О самоубийствах. С.337.

⁹⁷ Адамович А. Каратели. С.321.

⁹⁸ Гиппиус З.Н. Задумчивый странник // В.В.Розанов: pro et contra / Сост. В.А.Фатеева: В 2 кн. СПб.: РХГИ, 1995. Кн.1. С.172.

⁹⁹ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. С.339.

самодовлеемости»¹⁰⁰. Мужское и женское начала в их одновременности, необходимой разности для продолжения рода, за обретение которых Розанов боготворил Египет¹⁰¹, его самого превращают в зернышко мира, в семя, плоть. Корень мира. «Муж проглотил жену, проглотившую мужа». Но о третьем – ребеночке – «подумал один Бог»¹⁰²...

Розанов целовал мир в уста. Чтобы вдохнуть в него жизнь. И переболеть его болезнями.

¹⁰⁰ Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. С.340.

¹⁰¹ См.: Розанов В.В. Последние листья. 1916 год. С.227.

¹⁰² Там же. С.15.